

Дмитрий Захаров

Как Кощей смерти
искал

12+

Дмитрий Вениаминович Захаров

Как Кощей смерти искал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54166515

SelfPub; 2020

Аннотация

Кощей Бессмертный обитает в роскошном готическом замке и не знает нужды. У него есть все для праздного существования. Но жизнь ему уже опостылела. Чтобы, наконец, расстаться со своим бессмертием, Кощей похищает невесту могучего богатыря Елизара. Ведь очевидно, что богатырь – это человек чести, и он обязательно вернет себе свою Марья, а заодно и убьет злодея. Но оправдаются ли надежды Кощей?.. В своей постироничной сказке журналист, телеведущий и эксперт по военной истории Дмитрий Захаров создает неожиданное альтернативное развитие сюжета популярных народных сказок. Герои, которых мы знаем с детства, в этой книге предстают в совершенно неожиданных образах. В своих новых амплуа в первую очередь это не колдуны, ведьмы и богатыри. Это обычные люди, движимые простыми человеческими желаниями.

БОГАТЫРЬ ЕЛИЗАР И КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Кощей Бессмертный уныло бродил по залам своего зловещего замка. Арочные своды устремлялись в бесконечную высоту. С колонн на хозяина замка смотрели каменные горгульи, грифоны, василиски и прочие персонажи бестиария. Повсюду царили сумрак и запустение. На душе у него было паршиво, как, впрочем, и все последние десять тысяч лет. Сидевший на голове одного из монстров, ворон Гюнтер молча наблюдал за своим хозяином. Ему тоже было десять тысяч лет, и характером он был под стать своему хозяину.

– Интересно, какое у него настроение сегодня: очень плохое или чудовищно плохое? – подумал ворон. Если чудовищно плохое, рот следовало держать на замке.

Луна, проникавшая сквозь витражные окна десятиметровой высоты, рисовала причудливые картины из света и тени, отражая жуткие сюжеты, воспроизведенные на стекле. Сложив руки за спиной и ссутулившись, Кощей ходил взад-вперед по центральному залу.

– Что бы такого учинить, чего я еще не делал? – рассуждал он вслух. – Позвать барышень с Пляс Пигаль? Звал два миллиона пятьсот двадцать три тысячи раз. Натравить рыцарей на богатырей и затеять игру на выбывание? Тысячу раз натравливал. Послать Гюнтера сбросить контейнер со спорами чумы на какой-нибудь город? Скучно. Наслать засуху или саранчу на процветающую страну? Надоело. Учинить Тьму

египетскую? Все это уже было. Тоска. Жизнь как процесс, доведенный до автоматизма. И ведь руки на себя не наложишь – что накладывай, что не накладывай, результат один. Что стреляйся, что травись – очнешься, и все по-старому... И все это проклятое Правило иглы! Не знаю, что бы сделал с тем, кто его придумал! Ну почему я сам не могу сломать иглу, которая в яйце? По-че-му?! – Кощей невидящим взглядом уставился в витражное окно. – Проклятье!

– Слушай, Гюнтер! – крикнул он ворону, – Ты можешь сломать иглу?

– Вы меня уже спрашивали, Ваша Злобная Инфернальность. Не могу. Лапами сил не хватит, а клюв – не кусачки МЧС-овские. Не развивает он достаточного кинетического усилия. Да и потом, иголка сделана с использованием нанотехнологий из редкоземельных металлов и заговорена на тысяче колдовских языков, половину которых я не знаю и носителей которых давно уж нет в живых. Как-никак, изделие древнее.

– Кого бы попросить ее сломать? – в задумчивости проворкотал Кощей.

– Попросить?! – изумился Гюнтер, – Да у вас, Ваша Отвратительная Мерзость, эта функция отключена! Вы, даже если захотите, не сможете!

– Да, забыл. Значит, надо кого-то заставить... Есть идеи?

– Я вообще-то не очень понимаю, зачем вам это.

– Жить надоело!

– Ну да, скучновато у нас, конечно. Надо придумать что-то новое, зажигательное!

– Да надоело мне зажигать. Меня от запаха дыма спаленных городов уже тошнит.

– Да нет, я в переносном смысле. Что-то такое, от чего улучшается настроение, поднимается жизненный тонус, крылья, так сказать, начинают расти. Что-то в этом роде.

– Крылья мне не нужны! Высоты боюсь.

– А когда хотели с собой покончить и с башни бросились, не страшно было?

– Страшно, но попробовать надо было! А знаешь, как больно, когда о булыжную кладку ударяешься? Не надо мне никаких крыльев!

– А я без крыльев жизни не мыслю. Ощущение полета, Ваша Несравненная Гнусность, непередаваемо!

– Это понятно. Ты же – птица, а я – ходячее воплощение темных сил... И как бы ты от меня без них спасался, когда я хочу зло на тебе сорвать? Ты лучше придумай что-нибудь конструктивное.

Гюнтер почесал лапой голову.

– Так сразу ничего на ум не приходит... Может вам, Ваша Чудовищная Кошмарность, музыкальный инструмент какой освоить?

– Да я на всех инструментах играть умею. На скрипке – лучше, чем Паганини и даже Шерлок Холмс. На рояле – не хуже Рихтера. Хотелось бы на электрогитаре, но ее еще не

изобрели... Представляешь, как бы я смотрелся на сцене со Скорпионз лет, эдак, через восемьсот?! К тому же, у них сценический грим, а у меня – все натуральное, жуткое. Диски бы выпустил, Грэмми бы получил, автографы раздавал бы. Но нет в мире совершенства... Однако ближе к делу. Кто может, теоретически, сломать иголку?

– В теории это может сделать благородный рыцарь или могучий богатырь. Сломать иголку может только положительный персонаж. Помните, Ваше Темнейшество, вы Дракулу зазвали, чтобы ее сломать? Он все пальцы исколол, а результат нулевой. А для вампиров кровь – материя деликатная, так сказать, аква вита. Сколько он после этого в гости не приезжал? Лет триста?

– М-да, некрасиво получилось. А как бы нам замотивировать рыцаря или богатыря? Если они в своем уме, то ни за какие деньги сюда не приедут. А от сумасшедших толку мало... – Кощей задумчиво почесал лысый затылок. – Хотя... Есть идея! Надо украсть невесту рыцаря или богатыря, тогда уж им деваться будет некуда. Спасти невесту от злодея – долг чести каждого порядочного героя! Что скажешь, Гюнтер?

«Догадался на мою голову», – подумал ворон. Но вслух сказал:

– Идея безупречная. Осталось только найти кого-то, кто собирается жениться!

– Сейчас посмотрим! – воодушевился Кощей и направился к волшебному зеркалу в готической раме, которое висе-

ло напротив гигантского камина. Пролистывая воздух перед собой, он начал искать нужную информацию. Зеркало мерцало, показывая одну картинку за другой. Ничего подходящего не всплывало. Рыцари отправлялись на подвиги в честь прекрасных дам в дальние края как минимум на год, а то и на два. Ждать так долго Кощей не собирался. Листая страницы, он наконец наткнулся на Русь.

– Смотри, Гюнтер, вот то, что надо!

«Только этого не хватало, опять придется спасать», – подумал Гюнтер и слетел вниз на плечо Кощея.

За стеклом зеркала виднелся бревенчатый забор, к которому было прибито лубяное объявление. Оно гласило: «Венчается раб Божий богатырь Елизар с рабой Божьей Марьей-Искусницей. Предварительная дата торжества – через месяц».

– Сроки, конечно, сжатые, но коли жениться захочет, управится. – задумчиво произнес Кощей. – Распорядись, чтобы накрыли стол, а я пока подумаю над планом мероприятия.

«Думай, думай, – решил про себя Гюнтер – На то и существует ближний круг, чтобы планы проваливать... Надо срочно слетать в Киевскую Русь, довести до сведения клиента, во что его втягивают. Если человек порядочный, не будет старика жизни лишать. Хотя нет, лететь некогда».

– Зеркало! – сев на край бесконечного обеденного стола, прокаркал Гюнтер. – Два меню немедленно! Его Подлейшая

Двуличность возжелали трапезничать.

На противоположных концах стола тотчас появились два объемистых меню в черных шагреновых переплетках с золотым тиснением. Оно представляло собой вензель, состоявший из букв «К» и «Б», и изображение черепа с двумя перекрещенными внизу костями.

– Так, – задумчиво пробормотал ворон, открыв лапой меню, – что тут у нас сегодня?

На первой странице под заголовком «Холодные закуски» значилось: «Пиранья под соусом из серной кислоты с верблюжьей колючкой».

– Гадость! – расстроился ворон, – что там дальше?

На следующей странице в качестве основного блюда предлагалась тушеная кобра под соусом из собственного яда.

– Еще лучше, – скривился Гюнтер, – ну а что на десерт?

На десерт в меню стоял пирог с волчьей ягодой под соусом из яда анчара.

– Все как всегда, – настроение у ворона окончательно испортилось, – ну за что мне все это?

Он взлетел со стола и отправился на поиски Кощея, бродившего по бесчисленным залам замка. В гробовой тишине взмахи крыльев Гюнтера разлетались бесчисленным эхом, усиливая атмосферу мрачного запустения. Хозяина он нашел в рабочем кабинете. Кощей сидел за огромным письменным столом с ножками в виде драконьих лап и что-то писал пером в пергаментном свитке. Затем взял линейку и начал

чертить. Бессмертный настолько увлекся делом, что не заметил появления Гюнтера.

– ...Она выйдет на улицу, чтобы выяснить, о чем речь, я накину на нее мешок и – ходу.

Ворон вежливо кашлянул. Эхо от этого звука прогремело как взрыв снаряда. Кощей от неожиданности вздрогнул и опрокинул чернильницу в виде черепа. По черному дереву стола разлилась кроваво-красная лужа чернил.

– Гюнтер, чтоб тебя!

– Извините, Ваша Невыносимая Жуткость. У меня скверные новости. Меню, как всегда, омерзительное.

– Что там?

– Пиранья, кобра, пирог с волчьей ягодой под ядом анчара. Короче, рыбный день.

– Да что б им пусто было! Пойдем, я с ними сам поговорю!

Кощей стремительно направился к двери, на ходу бормоча:

– Рыбный день! В году пятьдесят две недели, пятьдесят два рыбных дня. Умножаем на тысячу, получается пятьдесят две тысячи. Умножаем еще на десять – пятьсот двадцать тысяч рыбных дней. Да что они, охренели совсем?!

Бессмертный ворвался в обеденный зал, перелистал меню и с грохотом швырнул его на пол.

– Так, я требую нормальной общеевропейской еды!

– Не положено, – раздался голос из пустоты, – Сегодня – рыбный день, – сказано это было хоть и лениво, но с явным

ВЫЗОВОМ.

– Я сказал – нормальной еды или весь Кухонный цех испепелю!

– Вы злодей? Злодей. Вот и ешьте ваше, злодейское.

– Послушай, – начал раздраженно Кощей, – В этом меню нет логики. Пиранья – хоть и маленький, но все же мой соратник по борьбе с Добром. Кобра – тоже. А кто уничтожает своих соратников?

– Революционеры, Ваша Бесконечная Злопамятность – не задумываясь, ответил Гюнтер.

– Я не тебя спрашиваю! Это все равно, как если бы Илья Муромец съел своего любимого хомяка. Или Иван запек Жар-Птицу на медленном огне. Бред? Бред! Так почему я должен есть силы Зла?

– Не мы это придумали. Мы готовим согласно инструкции. Как записано, так и делаем, – ответил из ниоткуда голос Кухонного цеха.

– Гюнтер, я сейчас выдам тебе одно злобное заклятье, слетай на кухню и используй его по назначению.

– Ваша Коррупционная Беспринципность, мы искали Кухонный цех тысячи раз, но так и не нашли. Пустая трата времени.

– М-да, – согласился Кощей, – Слушай, Кухня, а вот скажи: тебе рыбку не жалко? Она себе тихо плавала, а вы ее – под нож.

– К нам в Царство Холода и Мрака все продукты посту-

пают свежеморожеными, так что под нож она пошла, когда оттаяла.

– Кухня, а если я выдам деньги на нормальные продукты и заплачу чаевые за сервис, можно пересмотреть меню?

– Все зависит от суммы, – неопределенно ответил Кухонный цех.

– Не обижу, – раздраженно проговорил Бессмертный и швырнул на стол пару золотых. Монеты тотчас бесследно исчезли, но на столе ничего не появилось.

– Маловато будет, – хамовато произнес голос Кухни.

Кощей бросил на стол еще один золотой. Тот начал было крутиться на ребрышке и так, крутясь, растворился в воздухе.

– Ладно, – лениво снизошла Кухня, – сейчас все сделаем, но чаевые – отдельно. Клиент, заказываем.

– Так, – задумчиво начал Кощей, – на закуску – фуа-гра с брусничным мармеладом и рукколой, затем супчик буйабес с чесночными гренками из багета, на второе – стейк...

– Какая прожарка? – перебил его Кухонный цех.

– Медиум реар, – ответил Кощей.

– Гарнир?

– Пюре с чипсами из лука и рокфором. А на сладкое хочу банальное тирамису, кофе арабика в джезве и рюмку коллекционного французского коньяка.

Повернувшись в сторону ворона, Бессмертный спросил:

– Гюнтер, а ты что будешь?

– За ворона платить отдельно. – потребовал Кухонный цех.

– Ну что за вымогательство?! – возмутился Гюнтер.

Кощей, кряхтя и морщась, швырнул на стол еще одну монету, которая последовала в никуда за остальными.

– Ворон, заказываем, – отреагировала кухня.

– Мне стейк и бокал Шато Нефдю Пап Домен Матье призового урожая! – потребовал Гюнтер.

– Какая прожарка стейка?

– Никакая, – ответил ворон, – я ем сырое мясо.

– Заказ принят, – сообщил, зевая, Кухонный цех.

– Да сколько же это будет продолжаться? – возмущенно произнес Бессмертный.

– Что? – спросил ворон.

– Да я про Кухонный цех! Только и успевай города грабить, да данью обкладывать, чтобы с кухней расплачиваться!

– Ну, положим, Ваша Безграничная Злопаконость, наше финансовое положение более чем стабильное. Проценты по бондам и облигациям...

– Заткнись, Гюнтер! Про тайну вкладов забыл, что ли?

– Уже заткнулся, Ваша Злобность!

Едва Кощей успел сесть на свой стул с высокой резной готической спинкой, как на столе появилась до хруста накрахмаленная скатерть, затем отполированные до блеска серебряные приборы. Следом возникли тарелки для хлеба. Вокруг нее Кощей невидимый кто-то намотал салфетку немисли-

мой белизны, сродни снегу на леднике. Такая же салфетка, только маленькая, обмоталась вокруг шеи Гюнтера. Затем перед Кощеем появилась тарелка с фуа-гра, а перед вороном – со стейком, а также вино в пузатом серебряном бокале, покрытом затейливой гравировкой. Бессмертный с вожделем потер руки и начал неспешно отрезать маленькими кусочками гусиную печень и отправлять ее в рот.

– Блаженство, – прошептал он, – первое приятное событие за день. Надо бы, пожалуй, заказать бокальчик вина.

– За отдельную плату, – немедленно отреагировала Кухня. Кощей бросил на стол еще одну маленькую монетку.

– Какое вино заказываем?

– Такое же, как у Гюнтера. Он в винах толк знает.

Тотчас же на столе материализовался бокал с вином. Как и у ворона, он был из отполированного серебра, гравировка на нем изображала различные подвиги Бессмертного в борьбе с Добром.

– Да, были схватки боевые, – задумчиво произнес Кощей, вращая бокал в своих костлявых длинных пальцах.

Ужин проходил как всегда в молчании. В какой-то момент Бессмертный отвлекся от еды и распорядился:

– Музыку.

– Какую изволите? – откликнулся другой, более любезный голос.

– Что-нибудь из Генделя, «Музыку на воде» или что-то в этом роде.

Тотчас раздались пленительные звуки, придавшие трапезе некую торжественность.

– Так-то лучше, – проговорил, жуя, Кощей.

Закончив ужинать, Кощей отправился в свою опочивальню, надел пижаму из черного шелка, черный же теплый ночной колпак и залез под одеяло, тоже черного цвета. Затем он дернул за шнур, свисавший у изголовья кровати, и вокруг нее, начисто блокируя лунный свет, сомкнулись черные занавеси.

А в это время Гюнтер, стараясь как можно меньше шуметь крыльями, по большей части планируя, полетел в зал, где висело волшебное Зеркало.

– Слушай, Зеркало, – проговорил ворон, – соедини меня с Киевской Русью, локализация – Дремучий Лес, избушка Бабы-Яги.

– А что я за это буду иметь? – спросило Зеркало. Голос его напоминал голоса, которыми делают объявления в аэропортах.

– Я достану тебе отличный полироль для стекла с антистатиком.

– Идет. – Зеркало засветилось всеми цветами радуги в предвкушении удовольствия. Через секунду в нем появилось изображение бревенчатого интерьера, а еще секундой позже большую часть картинки заполнило лицо немолодой женщины в широкоугольном изображении. Вопреки распространенным сказочным заблуждениям, черты ее лица были пра-

вильными. Никаких бородавок не наблюдалось, и нос был отнюдь не крючковатым, а, напротив, отличался тонкостью и абсолютной правильностью формы. Щеки у Яги были впалыми и, если что и отличало ее от других пожилых женщин, то только слегка зеленоватый цвет лица. Из глубины зеркала Гюнтера буравили глаза с серовато-алмазным оттенком. Одета колдунья была по-домашнему – в неброское серое платье и иссиня-белый кухонный передник. Было очевидно, что ворон отвлек ее от стряпни.

– Гутенабент, фрау Яга, – поздоровался Гюнтер.

– Здорово, Гюнтер. Я вообще-то не фрау, а фройляйн.

– Гутенабент, фройляйн Яга.

– Гюнтер, ты давай без экивоков. У нас здесь не абент, а темная нахт на дворе, спать хочется. Че те надо? Только не тyani.

– Вы же, фройляйн, немецкого вроде не знаете?

– Силы зла, Гюнтер, понимают друг друга без перевода, поскольку говорят на общем языке. Так че те надо?

– Видите ли, фройляйн, у моего хозяина опять суицидальные настроения...

– Ну а мне-то что?

– Он задумал некую акцию, которая может иметь негативные последствия для многих, включая вас.

– И что же это за акция?

– Он хочет, чтобы его убил богатырь Елизар. И для этого собирается украсть у него невесту, Марью-Искусницу.

– Ну, допустим, Марья мне не слишком симпатична. Если Кощей ее утащит, будет как-то поспокойней. Да и Елизар – парень опасный. Молодой и порывистый. И если бы Кощей его извел, я бы ему черную свечку поставила.

– Не собирается он его изводить. И похищение Искусницы – способ замотивировать богатыря приехать в наше Царство Холода и Мрака.

– Ну придет он, а мне какая разница?

– Большая. Где он будет информацию добывать? Уж, наверное, фройляйн Яга, мимо вас не проедет. Сами подумайте, порча имущества, изъятие колдовской атрибутики. Опять же у вас мухоморы, поганки, травки всякие. Под статью о наркотрафике можно попасть. Возможны и тяжкие телесные повреждения, вплоть до летального исхода... И потом, убьет он Кощея, вам и за помощью, если что, обратиться будет не к кому.

– Да, об этом я как-то не подумала. И что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Надо как-то помешать моему господину украсть Марью-Искусницу.

– И как я могу помешать?

– А вы не могли бы, например, дать ей сонное яблочко, чтобы исключить ее из уравнения на годик-другой?

– Беда у нас в этом году с яблоками, неурожай. Самой до зарезу надо, а взять негде. Представляешь, выросло у меня в этом году всего четыре яблока. Как-то решила я слетать в

Муром на распродажу, колготок купить, вологодского кружевного белья, ну короче, неважно... Возвращаюсь и что вижу: лежат перед избушкой четыре гастарбайтера. Сожрали яблоки и дрыхнут. Один вообще медным тазом накрылся.

– Это как? – недоуменно спросил Гюнтер.

– Да так! Хотел спереть мой медный таз для зелья, сдать в приемный пункт цветных металлов. Сожрал яблоко, упал, а таз ему на морду. Вот и осталась без яблок.

– Дела, – вздохнул Гюнтер, – и что, до сих пор лежат?

– Да нет. Я позвала Санитара Леса. Он пасть свою воротил, отнекивался, мол, заразу можно подцепить. Ну я ему антидрых дала, антибиотиков всяких. Короче, сделал он уборку, правда потом его стошнило. Одни беды от этих гастеров.

– И не говорите, фройляйн. К нам тоже лезут, только успевай забор чинить. Возвращаясь к Марье-Искуснице... А может, превратить ее в лягушку?

– Эта позиция уже занята.

– Ну подумайте, фройляйн, это же в наших коллективных интересах!

– Ладно. Как надумаю чего, дам знать.

– Только просьба – не через Зеркало. А то хозяин увидит, беды не оберешься...

– Вот что я тебе скажу, Гюнтер... Совсем он у тебя спятил, старый дурак. Мало мне своих забот, еще Кощея спасай от самого себя. Тьфу! – Баба-Яга смачно плюнула прямо в экран. Зеркало аж посинело от негодования.

– Ладно, Гюнтер, бывай. Спокойной тебе ночи и жену непьющую, в смысле, ворону.

– Как это непьющую? – удивился ворон, – Она же умрет от дегидратации.

– От какой еще дегидратации? Не морочь мне голову. Пока.

////////////////////////////////////

А в это время на Земле Русской стояло теплое летнее утро. Зеленели леса и луга. Наливались румянцем яблоки и золотились груши, расцветала развесистая клюква. В небе пел жаворонок, искусно выводя романс Алябьева. Короче, царила полная идиллия. Богатырь Елизар под руководством наставника занимался гимнастикой, а именно, отжимался на одной левой. Делал он это на траве во дворе своего терема. На его спине стоял маленький худенький старичок в белом кимоно с черным поясом.

– Пятнадцать тысяч девятьсот двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь... Сколько еще отжиматься, дядя Гриша?

– Двадцать тысяч, как и на правой! Не отвлекайся, а то со счету собьешься.

– А можно я про себя буду считать?

– Можно. И помни, тебе еще побегать надо, затем – урок фехтования, потом начнешь отрабатывать новую ката, а вечером – занятия каллиграфией и стихосложением.

– Не мое это. Мне еще двадцать тысяч раз отжаться легче,

чем стихи слагать.

– Каждый уважающий себя воин должен в совершенстве владеть слогом, равно как и мечом. Так записано в кодексе Бусидо.

– Знаю, дядя Гриша.

– Ты не просто его читай, а извлекай мудрость. Без постижения мудрости воин – не воин.

– Да я понимаю...

– Кодекс – это свод воинских ценностей и добродетелей. Он также учит, как вести себя в сложной и непредсказуемой ситуации.

– Да, это ценно.

– А сейчас, Елизар, тебе надо сконцентрироваться на скорости.

– А по-моему, сила важнее.

– Скорость, Елизар, – скорость и точность. Как ты думаешь, зачем я стою у тебя на спине в стойке некоаши-дачи?

– В некоаши-дачи? Чтобы дополнительная нагрузка у меня была.

– А вот и нет. Я стою в этой стойке с закрытыми глазами, чтобы улучшить мелкую моторику коры головного мозга и работу вестибулярного аппарата.

– Чего-чего?

– Потом объясню. Вот ты задумывался, почему не можешь меня победить ни в фехтовании, ни в кумите? Так задумывался? А я ведь и меньше, и слабее тебя.

– Ну, у тебя опыта больше. Ты же уже сто двадцать лет занимаешься, а я только пять.

– Отчасти ты прав. Но дело в том, что я быстрее и точнее тебя. И могу использовать твою же силу против тебя.

– Это как?

– Ну вот почему ты в кумите не можешь одолеть Марию?

– Она же Искусница. Это у нее в крови.

– А вот и нет. Просто она освоила искусство уклонения и умеет направлять чужую энергию в нужное русло.

– Не люблю я все эти захваты, броски.

– Ты еще не постиг философскую суть. Все не так просто, как кажется. Когда ты достигнешь следующей ступени мастерства, я буду учить тебя вести бой с завязанными глазами.

– Зачем?

– Не ищи легких путей, Елизар. Созерцание себя изнутри позволяет добиться совершенства извне.

– Все. Я закончил отжиматься, учитель.

– Ну тогда сбегай в город. Купи рису, осетрины и хрену позлее. Короче, сам знаешь.

– А почему вы рыбу любите есть сырой? Мне вот она как-то не очень.

– В сырой рыбе масса полезных аминокислот и фосфора. Так что, хочешь не хочешь, а придется.

– ...А потом еще борща мамино, и свиного рагу с репой, и расстегаев с осетриной, и пирога с вишневым вареньем, и...

– Ты, Елизар, горазд поеть. Лучше бы с таким же рвением постигал воинские искусства.

– Ладно. Побежал я. Может, еще чего купить надо?

– Купи водочки, – сказал старичок, сходя со спины богатыря.

– Водочки? Это можно. Ну, побежал...

– Беги. Да за дыханием следи!

Елизар открыл ворота и припустил в город, а дядя Гриша сел на поляне в позе лотоса и стал медитировать.

////////////////////////////////////

В это время Марья-Искусница сидела в своем тереме и мастерила для богатыря Елизара походную Скатерть-самобранку. Дело не ладилось, и она была порядком раздражена.

– Ты почему подаешь блюда в разнобой? – спросила Марья у Скатерти, – Сначала десерт, потом борщ, потом горячую закуску, за ней – второе, и только потом закуску холодную. Нонсенс какой-то! Надо алгоритм поменять.

Красавица вооружилась паяльником и, глядя в лупу, начала что-то переделывать в Скатерти. Тут же что-то зашипело-зашкворчало, и из полотна с электрическим треском вылетел сноп синих искр.

– Чтоб тебе пусто было! – ругнулась Марья, – Я тебя из лучшего льна ткала, версту проволоки на тебя извела! А ты ерунду всякую устраиваешь! Вот распушу тебя по нитке, будешь знать.

Скатерть от страха съежилась и задрожала.

– Вот соберется Елизар в поход, с чем ему ехать? С бракованной тряпкой на ратные подвиги отправляться? Чтобы супостата сокрушить, надо хорошо питаться! Я в тебя тридцать две тысячи рецептов закачала, включая весь набор японской кухни и сто любимых рецептов Елизара. А ты толком накрыть не можешь. Ну-ка, расправься! Как я тебя чинить буду?

Скатерть послушно расправилась так, что на ней не осталось ни единой складочки, и замерла. Марья снова взялась за паяльник. Через несколько минут кропотливой работы она удовлетворенно хмыкнула и сказала:

– Ладно, давай снова попробуем. Скатерть, накрывай на одну персону!

На этот раз дело пошло на лад. На столе появилась осетрина холодного копчения, холодец, пирожки да расстегаи, ветчина, овощной салат, нарезка трех видов сыра. На Скатерти оставалось еще достаточно места, когда Марья скомандовала:

– Стоп. Теперь горячие закуски!

Их ассортимент оказался не менее широким, однако Искусница снова остановила Скатерть. И вслед за обоими видами закусок сначала появился борщ, затем тушеная свинина с гречневой кашей и грибами, а затем сладкие пирожки, блины с вареньем и, наконец, самовар с чаем.

– Ну вот, теперь совсем другое дело! Можешь же, когда хочешь. Ладно, завтра тебя Елизарушке подарю, а то вдруг

ему в поход.

Закончив возиться со Скатертью, Мария принялась конструировать коврик-самолет.

– А то вдруг Елизару потребуются экстренная эвакуация, – сказала сама себе красавица и взялась за дело...

////////////////////

А покауда Искусница трудилась в своем тереме, Елизар неспешной трусцой бежал в город. Бежал он по полям да по лугам, тщательно следя за своим дыханием. Долго ли, коротко ли, добрался он до дремучего леса, через который шла узкая тропинка к городу. Полпути прошел богатырь без приключений, покауда не достиг солнечной поляны. А посреди нее стоял мужичок средних лет в красном кафтане и надетой набекрень стрелецкой шапке.

– Эй, паря, куда путь держишь? – спросил незнакомец.

– А мы что, знакомы? – переспросил Елизар. Он был очень вежливый богатырь. – Мы даже не представлены, а вы сразу на «ты». Невежливо как-то.

– А, ну да, – откликнулся мужичок, – звать меня Кудеяр. Злой разбойник я, и сейчас тебя грабить буду.

– Странно, – задумчиво сказал сам себе Елизар. – Я вроде санацию леса третьего дня проводил, всех местных лихоимцев в кутузку отвез. Этот-то откуда взялся?

– Да мы залетные, – весело откликнулся Кудеяр, – сам понимаешь, свято место пусто не бывает.

– А, так ты не один? – полюбопытствовал богатырь.

– Конечно не один. Я – атаман, и у меня шайка.

Елизар быстро осмотрелся и без труда заметил за кустами полтора десятка разбойников. А один сидел на ветке дерева прямо над головой богатыря и держал в руках здоровый булыжник, явно намереваясь скинуть его Елизару на голову.

«Дилетанты, – подумал богатырь. – Ладно, поглядим, что дальше будет».

– Так как, паря, сам кошелек, сапоги да рубаху отдашь али тебе помочь?

– Да помочь, наверное, надобно.

– Ату его, ребята! – крикнул атаман, бросаясь на Елизара. Разбойник, сидевший на ветке, швырнул вниз камень, но богатырь резко рванул Кудеяра на себя, и булыжник попал атаману аккурат в темя. Раздался хруст черепа, и тот рухнул на землю без чувств. В это время вся шайка была уже на поляне.

«Разминка», – сказал он сам себе Елизар.

Не прошло и пяти минут, как все разбойники лежали на земле с телесными повреждениями различной степени тяжести.

– Эй, мил человек, – обратился Елизар к ближайшему к нему лиходею, – веревочка у вас есть?

– На что тебе веревочка? – еле просипел разбойник, больше походивший на один большой синяк.

– Вязать вас буду.

– Что-то не припомню я про веревочку.

– А ты лучше припомни, а то я тебя еще раз спрошу. По-конкретнее.

– Ну, так бы сразу и сказал, – откликнулся разбойник, – сейчас зараз сыщем.

– Ты только убежать не вздумай. Я ведь тебя догоню...

– Понял, не дурак.

Богатырь быстро скрутил всю шайку Кудеяра, потом привязал атамана впереди остальных, выстроил всех в цепочку и скомандовал:

– А теперь – пробежка!

– Как же мы побежим? – возопили несколько разбойников со сломанными и вывихнутыми ногами.

– Допрыгаете! – отрезал Елизар. – Не надо было в наш лес приходиться да лихое дело замысливать. За что боролись, на то и... Короче, бегом марш!

Для убедительности богатырь топнул ногой так, что земля на поляне завибрировала. Скуля и причитая, разбойники потрусили по тропинке к городу, а Елизар следом, присматривая, чтобы кто не отвязался. И вскорости добрались они до городских ворот.

– Здрав будь, Елизар, – поприветствовали его дежурные ратники. – Опять лихоимцев отловил?

– Да, залетные какие-то. Не знал, не гадал, что подвернутся. Надо бы их главаря допросить на предмет награбленного да послать в лес телегу, чтобы все добро вывезти. Сами понимаете – опись, протокол, сдал-принял, чтобы отчетность

не нарушать.

– Управимся, не сумлевайся, – ответили стражи.

– Так тебя Елизаром зовут? – в ужасе спросил Кудеяр.

– Ну да, – ответил богатырь.

– Предупреждать надо, – простонал разбойник и упал в обморок. На голове его багровела огромная шишка.

– А че у этого с головой? – полюбопытствовали ратники.

– Каменный век, камнями кидаются.

– Да нету у нас ничего, – запричитал один из лихих людей. – Сами мы не местные. Только вчера из земли Муромской перебрались.

– Насчет «нет ничего» ты будешь дежурному палачу-дознавателю рассказывать. Все скажешь, как на духу.

– Не надо палача! – завыл разбойник, – мы еле из Муромских лесов вчерась ноги унесли. Ничего прихватить с собой не успели!

– Что так? – недоуменно спросил Елизар.

– Конфуз у нас вышел, прямо как сегодня. Бежал по лесу мужичок. Один из молодых его не признал, сказал, что грабить его будет. А это оказался Илья Иванович. Ну дальше, сами понимаете.

– Понимаем, – согласились ратники.

– Вчерась нас больше тридцати было. Я и не думал, что Кудеяр так быстро бегает...

«М-да, – подумал Елизар, – надо бы Муромцу письмо отписать, что вопрос с Кудеяром закрыт».

Сдав грабителей страже, Елизар отправился на базар. Купив все, что наказывал Гриша, богатырь побежал домой.

//////////

А в это время в другом лесу, в избушке на курьих ножках Баба-Яга сидела за огромным дубовым столом в конференц-зале, думая о том, как бы усыпить Марью-Искусницу. Справа и слева от Яги так же, в глубоких раздумьях, разместились ее подданные – кот Баюн, вожак стаи гусей-лебедей Прокопий, сова Авдотья и волк Африкан.

– Так, че еще? – размышляла вслух Баба-Яга. – Вампирные пиявочки? Нет, усю кровь высосуть. Тогда уж Елизар меня в порошок сотреть и по ветру пустить. Веретено? Дык у нее самопрялка, не годиться. Поганки? Рискованно. Тина болотная? Енто токмо внешность портить. Че бы такого измыслить? Думай, Баба, думай. Время-то идет. Куда как старый дурак завтра воровать ее надумает? Ох, беды одни с этими мужиками! Слушай, Баюн, ты насколько ее убаюкать можешь?

– Не больше суток-полутора. И при этом визуальный контакт нужен. А если Кощей меня увидит, сварит из меня суп с котом. Не вариант.

– Прокопий, а ты можешь ее куда-нибудь в чашу отвезти?

– Баба, да ты че?! – прогагакал гусь, – у нас максимальная нагрузка – до 15 килограммов, мы на братцев Иванушек рассчитаны, а она, небось, все пятьдесят весить! Крылья отваляться!

– А у кого полезная нагрузка больше? – сама себя спросила колдунья.

– Дык, ясен перец! – откликнулся Прокопий. – Змей Горыныч! Он че хошь поднять может!

– Верно, дай-ка я с ним поговорю.– Яга встала из-за стола, подошла к серванту, срубленному без единого гвоздя, открыла дверцу и достала из его бездонных недр тарелку с яблоком. Поставив ее на стол, скомандовала:

– Соединяй с Горынычем, живо!

Яблоко покатилося по кромке тарелки, дно которой затуманилось, и через несколько секунд в ней возникла центральная голова Змея.

– Здорово, Горыныч. Как дела, как здоровьице?

– Здравствуйте, Яга, – вежливо ответил Горыныч, – Если можно, давайте сразу к делу. Какие проблемы? А то я в командировку собираюсь, чемоданы пакую.

– И куда ж ты собираисси?

– На конференцию по драконологии в Пекин.

– А с чего это?

– Там, собственно будут обсуждать меня. Трехглавый дракон – венец творения среди драконов или продукт мутации из-за плохой экологии.

– А когда летишь?

– Да вот сейчас чемодан закрою и – в дорогу. До Китая путь неближний.

– Ну ладно, значицца ты мне не помощник.

– А в чем дело-то?

– Да хотела попросить тебя Марью-Искусницу украсть. На время... Гюнтер просил.

– Вы уж извините, сударыня, – ответил Змей, – но такие серьезные дела впопыхах не делаются. Вернись, созвонимся.

– Когда ты вернешься, поздно будет. Ладно, лети. Легкого взлета, мягкой посадки!

Баба сняла яблоко с тарелки, и изображение исчезло.

– М-да... Облом, – резюмировала она, задумчиво постукивая пальцами по столу. – Авдотья, а ты можешь ее в болото завести?

– Не пойдет она в болото, дура что ли? – откликнулась сова, – и потом у нее жоюзд есть!

– Жопо чего? – переспросила Баба-Яга.

– Жи Пи Эс навигатор, – пояснил Баюн. – Навигационная привязка с точностью до полуметра. Она его на прошлой неделе для Елизара изобрела. Доработанная версия клубка.

– Да шо ж это такое-то?! Ну а ты, Африкан, шо молчишь? Хвать ее, да и в сырой лес, в непроходимую чащобу!

– Боюсь я ее, – задумчиво ответил волк, – уж больно она горазда с режущими и колющими предметами обращаться. Своими глазами видел, как шефским ножом муху к стене прибила. Да еще дед этот, Григорий, научил ее с нагинатой управляться. Глазом моргнуть не успеешь, как разрубит пополам. Искусница – очень серьезный противник в ближнем бою. Да и в дальнем тоже. Одно слово – невеста богатыря.

– И зачем я тогда вас, дармоедов, держу, черт бы вас подрал?! – Яга ударила костлявым кулаком по столу с такой силой, что в воздух подскочил самовар и блюда с чашками, стоявшие перед членами военного совета.

Тотчас же в углу конференц-зала полыхнула синяя вспышка, сопровождаемая громким хлопком. Вслед за этим из ниоткуда возник маленький фиолетовый Чертенок.

– Здравствуйте, сударыня. Звать изволили? – пропищал он.

– Изыди, сатана! Не до тебя! – в сердцах рявкнула на него Баба-Яга.

– Слушаюсь! – пискнул Чертенок и исчез в облаке желтого, с сильным запахом серы, дыма.

– Ишь, навонял, пакостник! Хоть малость, да всегда подгадит.

Колдунья вновь принялась стучать костлявыми пальцами по столу, непроизвольно выводя *allegro con brio* из пятой симфонии Бетховена.

– Знаешь, что я тебе скажу, – начал издалека Баюн, – мне кажется, что тут нужен разумный компромисс.

– Чаво? Ты русским языком говори!

– Компромисс – это вроде как обоюдно приемлемая договоренность. Ты к ней сходи, обрисуй ситуацию. Так, мол, и сяк, красавица, получится, что богатырь твой не подвиг совершит, а поспособствует суициду.

– Чаму-чаму?

– Ну, суициду, самоубийству, так сказать. А это уже не подвиг, а игра в поддавки с летальным исходом. Смертельным, так сказать.

– Баюн дело говорит, – встрял Африкан, – иногда простейшие методы самые эффективные.

Баба-Яга в задумчивости подула на чай, налитый в блюдце, со смачным хрустом разгрызла кусок колотого сахара и запила его.

– Хороший у тебя сегодня чай, хозяйка. – проугукала сова.

– Да, индийский. Третьего дня прислала ихняя богиня зла Кали. Я ей кое в чем подмогла.

– Ну так что насчет задумки Баюна? – вернул разговор в рабочее русло Африкан.

– Не будет она меня слушать. Да и не поверит. Мы с ней по разные стороны плетня.

– А я бы попробовал, – прогагакал гусь, – попытка, так сказать, не пытка.

– Еще мысли есть? Не хочется мне в ее посад лететь. Ступе ТО делать надо. Хотя, конечно, хорошо бы новую купить, – сказала Баба-Яга, задумчиво глядя на статью «Ваша новая ступа» в журнале, который описывал тест-полеты на новейших образцах. – Да и метлу пора менять тоже. Веник-то ейный совсем ветрами повырывало.

– ТО, конечно, сделать нужно. Ну а если Кощей завтра за ней явится? – промурлыкал Баюн. – А еще хуже – сегодня?

– Типун тебе на язык! – сплюнула Яга, – Ладно. Щас сле-
таю... Усе, объявляю военный совет закрытым. Сбор вече-
ром. У восемь часов.

////////////////////////////////////

А в доме Елизара всю кипела трапеза. Стол, накрытый
матушкой богатыря, ломился от яств. Тут были и соленые
белые грибочки, и осетровый балык, и холодец двух сортов,
и яблоки моченые, и помидоры соленые, и огурчики хруст-
кие, и капуста квашеная, и язык отварной. О пирожках и рас-
стегаях и говорить нечего.

Елизар задумчиво поглощал холодные и горячие закуски,
а дядя Гриша искусно украшенными палочками неспешно
ел суши с осетриной.

– Я вот все в толк взять не могу, Гриша, – молвила мать
Елизара, – чегось ты палками-то еду берешь? Ножом да вил-
кой оно ж сподручнее.

– Видишь ли, Матрена Кузьминична, то, чем мы едим, де-
монстрирует разницу философии Востока и Запада. На Во-
стоке еду берут, а на Западе с едой воюют.

– Это как? – недоуменно переспросила Матрена.

– Смотри, Матрена, палочки – это не более чем инстру-
мент, чтобы брать еду. А нож и вилка суть метафора меча и
резубца, то есть оружия. И готовят в Поднебесной малень-
кими кусочками, чтобы то, что берешь палочками, можно
было отправить в рот за один раз. А у нас готовят крупными

кусками и кромсают мясо, словно воюют с ним.

– Мудрено, – глубокомысленно заметила мать Елизара, – а мне вся эта философия как-то и ни к чему. Главное, чтобы вы, мальчики, сытыми были. Ты бы, Гриша, съел чего, а то все суши, да суши.

– Я стараюсь быть сдержанным в еде.

– Да ты уж не обижай хозяйку. Отведай закусок разных, борща, а затем и окорока запеченного.

Григорий попробовал было отнекиваться, но Матрена Кузьминична сделала такое скорбное лицо, что устоять он не смог. А Елизар, наполовину опустошив блюда с закусками, принялся за борщ. Тарелка, которую поставила ему матушка, по объему скорее напоминала супницу. Впрочем, и пяти минут не прошло, как ложка заскребла по дну, а Елизар попросил добавки.

Дядя Гриша под неусыпным оком Матрены Кузьминичны также отведал различных закусок да пирожков и принялся за борщ. Порция, которую он попросил, была куда скромнее.

– Налей мне борща в пиалу, Матрена. Я дома привык суп есть по чуть-чуть.

– Опять хочешь хозяйку обидеть, – нахмурилась Матрена.

– Нет, нет, что ты.

Мать Елизара сходила на кухню и принесла тарелку борща, ненамного меньшего размера, чем у Елизара. Григорий тяжело вздохнул, но противиться не стал. Между тем, Елизар закончил с борщом и перешел ко второму. Кусок запе-

ченного окорока, положенный ему матушкой, тянул килограмма на два. Впечатляющей была и порция гречки с жареным луком и грибами, щедро сдобренной сливочным маслом.

– А вот скажи, дядя Гриша, почему батя и другие богатыри тебя Гишином зовут? – спросил он.

– История это долгая. Как-то возвращались купцы по Шелковому пути из Поднебесной, Китая по-нашенски, и на них разбойники напали. Шелка да фарфор поотнимали, самих в одних подштанниках отпустили. Князю это не понравилось, и велел он мне, Алеше Поповичу, отцу твоему да еще нескольким богатырям с лихоимцами разобраться. Ну мы сходили, разобрались. Вернули все награбленное да еще кое-что у разбойников обнаружили. Стало князю любопытно, что да как там в Поднебесной. Вот и отправил он меня с купцами, в другой раз туда шедшими, посмотреть, как там да что. Прибыл я туда, много диковинного повидал и собрался уж возвращаться, как вдруг увидел у одного воеводы китайского меч диковинный остроты невиданной. Шелковый платок на лезвие положишь, и распадется он пополам. Катана называется. Стало мне интересно, кто это такие делает. Воевода мне молвил, что привозят их из-за моря, из Страны Восходящего Солнца, из Японии по-нашему. Стало мне дивно, и поплыл я туда. Делают там мечи совершенные. Иногда не один десяток лет делают. Необычайно острые и прочные. Захотел и я себе такой. А мне местный сегун, воевода япон-

ский, говорит, что подарит такой меч, если я ему послужу да порассказываю, что да как на Руси, потому как я был первым русским, кто туда добрался. Любопытно ему было, как и князю нашему. Ну я и послужил малость. Научился поединку на мечях да искусству боя без оружия – каратэ по-ихнему. Японцы на свой лад из Гриши меня в Гишина и переименовали. Так и прилипло.

– А расскажи, как вы с варварами ратный бой держали? – попросил Елизар.

Дядя Гриша, усмотрев благовидный предлог, отложил было ложку, но Матрена так на него зыркнула, что он тотчас же стал борщ доедать.

– Ты, Гишинушка, смотри, как Елизар ест, по-богатырски! – в ее словах звучала материнская гордость. – А уж как отец его, Андрей Иваныч, кушает, глаз не оторвать!

– Да, – встрял Елизар, – батя не дурак потрапезничать!

– Ох, и соскучилась же я по нему. Когда он только из этой проклятой заграницы вернется?

– Матушка, так это же во благо Руси. Землю нашу на весь мир представлять.

– Так-то оно так, да вся душа уже без него изболелась.

– Всемирный Богатырский Конгресс – дело серьезное.

– Серьезное-то оно серьезное, а вот помяни мое слово, Елизар, случись чего, опять отбиваться сами будем. Одни.

– Ну зачем ты так, матушка? И в других странах богатыри славные есть.

– Оно, конечно, так да что-то не припомню я, чтоб они нам подсобляли, когда на Русь супостаты шли.

– Так мне рассказывать про ту битву или нет? – попытался сменить тему разговора Григорий.

– Конечно, Гишин-сан! – воодушевился Елизар.

– Ну значит, дело было так. Как-то сегун решил устроить среди самураев конкурс на лучшее хокку.

– На лучшее – что? – переспросила мать Елизара.

– Четверостишие, – ответил за Гишина богатырь.

– И в тот момент, когда мы собрались во дворце сегуна, прискакал гонец и сообщил, что на берег высадились варвары в огромном количестве. Сожгли рыбацкую деревню и вообще безобразничают. Только мы вознамерились выпить саке и послушать блистательную поэзию, как тут варвары словно снег на голову. Сегун отдал приказ отправиться на берег и навести там порядок. Добралась мы туда и глазам своим не поверили! Сегун шутит или издевается? Каких-то жалких тридцать тысяч варваров против двух тысяч самураев. Это всего-то пятнадцать варваров на самурая! В общем, решили мы, что сегун отправил нас на разминку. Ведь сабли у варваров из такой скверной стали, что катана перерубает их, словно бумагу! Минут через пятнадцать их стало вдвое меньше, а через полчаса и вовсе один остался, да и то потому, что сегун наказал одного в живых оставить и отправить обратно за море к предводителю варваров. Что и было сделано. А когда мы вернулись, сегун всех пригласил на обед и велел каждому

в стихотворной форме изложить впечатления от минувшего дня. Мой стих ему особенно понравился.

– А прочитай его!

– ...Бледный диск Луны отразился в воде

И стал багрово-красным.

Меч уснул в ножнах.

Кровищи было – не мог перестать смеяться до вечера...

– Здорово! Иносказательно вроде, а сразу все понятно.

– Не переживай, сынок. На твой век супостатов хватит. К нам все время разная-всякая нечисть залезть норовит. Чтоб им пусто было.

– А им, мама, всегда пусто и бывает! Потом.

– Оно, конечно, так. Да только придут, напакостят, нагадят, потом плетни и огороды в порядок приводят...

Вслед за этими словами мать Елизара сноровисто отполосовала здоровенный кусок окорока и из казана половником насыпала щедрую порцию гречневой каши с луком, над которой поднимался густой пар с умопомрачительным ароматом белых грибов. Играючи подняла со стола четверть и налила всклянь прозрачной как слеза водки. Григорий вздохнул, опрокинул емкость, крякнул и вновь принялся за еду. А Елизар навалил себя десятка три блинов и начал уминать их за обе щеки с различными сваренными матушкой вареньями.

////////////////////

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. В царстве Кощея наступило хмурое утро, которое, впрочем, мало чем отличалось от ночи. Сплошную черноту сменил темно-багровый рассвет, достойный полотен Каспара Давида Фридриха. К полудню небо стало зловеще-красным, а через некоторое время начало чернеть, погружая все вокруг во мрак.

– Гюнтер! – крикнул Кощей. Он сидел за своим готическим столом, продолжая разрабатывать план похищения.

Гюнтер спал, пристроившись на канделябре, стоявшем на каминной полке. От резкого окрика он спросонок свалился на пол и больно ударился боком.

– Доннерветер! – выругался ворон, – Ну чего с утра пораньше так орать? – и тут же добавил совсем другим тоном:

– Ваша Трансцедентальная Эпидерсичность.

– Ты сам-то понял, что сказал? – переспросил Кощей.

– Ну, в двух словах этого не объяснить. Трансцедентальный – это от латинского «trancedens» – выходящий за пределы мыслимого, способный перемещаться из одной формы материи в другую, а эпидерсичность – это...

– Потом будешь лекции читать! – прервал его хозяин. – Лучше слетай в типографию, пусть они напечатают там побольше бумажек ЖКХ, квитанций, справок всяких. Да раздобудь мне кафтан коммунальщика!

– Позволю себе заметить, Ваша Ядовитая Желчность, что на Руси коммунальщиков не любят. Точнее, ненавидят. Мо-

жет, вы выберете себя какой-то другой образ? Менее одиозный?

– Мне все равно, ненавидят, так ненавидят. Сколько себя помню, меня всегда ненавидели. Это, можно сказать, мое агрегатное состояние. Не привыкать. Мне главное, чтобы она дверь открыла, а там уж как-нибудь справлюсь.

– А как насчет способа доставки? – поинтересовался ворон, для которого сейчас была ценна любая крупница информации.

– Попросил у Черномора ковер-самолет. Сегодня прибудет.

– А он чего взамен?

– Как всегда – золото, бриллианты. Азия. На большее у него фантазии не хватает.

– Грабят нас, Ваша Безграничная Кровожадность.

– Когда речь идет о деле, надо жертвовать меньшим ради большего. А в данном случае ставки высоки как никогда. Если помнишь, я намерен расстаться с этим худшим из миров.

– Ну, есть другие способы, – еще раз попытался отговорить Кощея Гюнтер.

– Например?

– Перебраться на Сейшелы, в Полинезию. Солнце, океан, пальмы, белоснежный песок. Шезлонги, Пина Колада, – в голосе ворона звучал скрытый восторг.

– Что такое Пина Колада?

– Это такой коктейль, Ваша Неистовая Свирепость.

– Напомни в обед, чтобы Кухня сделала. Надо попробовать.

– Так как насчет Сейшел? – в голосе Гюнтера звучали просительные нотки.

– И что я там буду делать? Десять тысяч лет лежать в шезлонге? Ты вспомнишь хотя бы день, чтобы я не затевал какое-нибудь грандиозное злодейство? Это моя карма. И уж если с ней кончать, так решительно и бесповоротно!

Гюнтер расстроено начал приглаживать перья на ушибленном боку.

– Ну, что сидишь?! Лети, займись делом! – прикрикнул на него Кощей.

– Как скажете, Ваша Параноидальная Мстительность.

Ворон, преодолевая боль в крыле, взлетел и на бреющем полете отправился в типографию, приговаривая себе под нос:

– Вот старый осел, старый осел...

////////////////////////////////////

Ступа с Бабой-Ягой, пропахав на газоне перед домом Марьи-Искусницы глубокую борозду и разбросав в стороны комья чернозема, со скрежетом остановилась. Тотчас со всех сторон зазвенели колокольчики и жестянки, затрещали трещотки.

«Угу, – буркнула себе под нос Яга, – система предупреждения. Я так и предполагала».

И тут же на пороге дома появилась Марья. Впервые в жиз-

ни колдунья видела ее настолько близко. Вид у Искусницы был устрашающий. В правой руке она держала нагинату, а зажатая в левой волшебная палочка была холоднокровно направлена Яге прямо между глаз. При этом лицо красавицы был абсолютно невозмутимым. Ее голубые глаза не выражали ни страха, ни агрессии – в них не было вообще никаких эмоций. Колдунья жила давно и по опыту знала, что подобный взгляд не сулит ей ничего хорошего.

– Ну, здравствуй, что ли... – начала было Яга.

Как-никак она была незваным гостем, и по правилам этикета начинать разговор должно было именно ей.

– Я вас, Елизавета Георгиевна, еще на дальнем подлете увидела, – без приветствия ответила Марья. – Все думала, сбить или не сбить? Потом решила выяснить, зачем такой демарш. Тем более, на Земле Русской коэффициент вашей магии падает раза в четыре, поэтому шансов у вас никаких. И зачем тогда лететь? Значит, на то есть весомая причина, – закончила Искусница ровным голосом, в котором слышалась ледяная сталь.

– Откуда ты знаешь, как меня звать-то? – ошарашенное переспросила Яга. Это обстоятельство поразило ее больше, чем угроза быть сбитой в воздухе или разрубленной и испепеленной на Марьином газоне.

– Елизавета Георгиевна, мы живем в просвещенное время. Информационные технологии, обмен базами данных. Я, честно говоря, поражаюсь... Вы – доктор наук, автор тысяч

заклинаний, почетный магистр десятка магических университетов, знаток множества языков, а изъясняетесь так, будто вас в школу вообще не водили. С чего бы это?

Яга на минуту задумалась, а затем промолвила:

– *Сен'ест пас вотре проблème.* – а, подумав, добавила – *Das geht Sie nichts an...* А, если по-нашенскому, то – не ваше дело! Такой уж у меня имидж в сознании народном. Да ты не сумлевайся, деточка. Не со злом я к тебе прилетемши. Беда у нас общая и утрясать ее сообча придется. Да ты палку-то свою копалку опусти. И бердыш убери. Ими в энтих делах не поможешь. Да и верно ты сказала – не поперлась бы я на Землю Русскую на свою голову, да на старости лет. Коли бы не нужда.

Марья пристально посмотрела Яге в глаза. Лазурь неба уперлась в ледяную черноту. Так смотрели они друг на дружку пару минут. Наконец Марья опустила оружие и спокойно предложила:

– Заходите, Елизавета Георгиевна, чайку попьем, побеседуем...

////////////////////////////////////

Кощей, сидя за своим гигантским столом через лупу рассматривал в лежавшем перед ним фолианте какую-то затейливую гравюру. Ворон, пристроившись у него за спиной, на книжной полке, тоже смотрел на нее, не очень понимая, чем она заинтересовала его господина.

– А тебе известно значение имени Елизар? – спросил Ко-

щей у Гюнтера.

– Что-то не припомню, Ваше Смердящее Зловоние.

В глазах Кощея блеснули злые искорки.

– Елизар – это тот, кому помогает Бог. А это значит, что у меня против него никаких шансов!

Казалось, сама эта мысль вызывала у него безумную радость.

– А ты, кстати, – продолжил Кощей, – к завтрашнему дню должен выучить краткий этимологический словарь имен. Там всего триста томов.

Губы Кощея расплзлись тонкими нитками в недоброй улыбке.

– Я завтра проверю. Если чего не запомнишь, распылю на атомы на неделю!

– Ну я тогда полетел, Ваша Изощренная Издевательность.

– Куда это?

– В Библиотеку, куда же еще?

– Ну лети, лети, – Кощей продолжал злорадно улыбаться, глядя вслед удаляющемуся Гюнтеру.

«А может, сожгу его на манер Феникса, чтобы потом в муках возродился из пепла?» – задал он вслух вопрос самому себе.

Развернувшись на каблуках, Кощей с хрустом костей расправил плечи и отправился в свой кабинет составлять план похищения и мероприятий, призванных упростить Елизару путь к заветному сундуку с пресловутой иглой...

Гюнтер влетел в зал Библиотеки. Здесь, как и везде в замке, было мрачно и готично. Под потолком на колоннах сидели каменные горгульи с книгами в передних лапах. Ворон знал, что Кощей умел их оживлять. Особенно он любил это делать, когда у него бывали гости. Горгульи хватали их за шиворот и затаскивали в самые немыслимые места. В лучшем случае это были люстры. В худшем – узенькие приступки под самым сводом главного зала, откуда вниз страшно было даже взглянуть.

Гюнтер посмотрел на горгулий с нескрываемым опасением, сделал круг над столом и зашел на посадку. Когти его лап заскрежетали по полированной поверхности стола.

– Гюнтер, вы бы поаккуратней с библиотечным инвентарем, – раздался бесстрастный женский голос, – останутся царапины, оштрафую.

– Я не специально, – виновато проговорил Гюнтер, – задумался.

– Что читать будете?

– Краткий этимологический словарь имен.

– Какой том?

– Все. Мне Кощей велел до утра выучить их все наизусть, иначе грозил распылить на атомы. А это так неприятно. Особенно потом, когда он тебя обратно спыляет. Потом целый месяц ощущение, будто с похмелья.

– Да, приятного, конечно, мало, – в голосе Библиотеки действительно звучало некое подобие сочувствия.

С одной из полок, находившейся где-то под самым сводом, взлетели триста томов и, раскрывшись, спикировали на стол. Приземлившись, они выстроились четко по номерам, а самый первый с глухим ударом хлопнулся перед Гюнтером и распахнулся на первой странице.

«Итак, буква «А», – сказал сам себе ворон и погрузился в чтение.

Когда время подошло к полуночи Гюнтер, проштудировавший первые десять томов, понял, что шансов у него никаких. На глазах у него даже навернулись слезы.

– А пошло оно все к черту! – устало проговорил он и собрался взлететь, когда услышал голос.

– Звать изволили?

В углу зала появился довольно крупный Черт, окруженный алой дымкой.

– Хотите, чтобы я энциклопедию забрал? – любопытно ствовал он.

– Я тебе заберу! – с металлом в голосе отчеканила Библиотека.

– Тебя только не хватало, – печально произнес Гюнтер, – катись, откуда пришел.

– Как скажете, – равнодушно произнес Черт.

– Кстати, а чего это ты красным светишься? – удивленно спросил ворон.

– Да я только со смены, из кочегарки для грешников, все не остыну никак. Дурацкое, я вам скажу, занятие. Только

уголь впустую переводим. Грешники уж давно к жару привыкли. Многие вконец обнаглели, приходят к чанам с кипящей смолой с банными вениками. Некоторые вообще требуют воды плеснуть, чтобы попариться. Ладно, пойду, пожалуй, в ваше озеро нырну. Там вода ледяная, – мечтательно проговорил Черт и с хлопком и искрами растворился в воздухе.

– Надо срочно выпить, – сказал самому себе Гюнтер и, прыгнув со стола, на бреющем полете отправился в обеденный зал.

////////////////////////////////////

Марья и Баба-Яга сидели в горнице за столом и неспешно пили чай с пряниками, вареньем, сушками и другими неотъемлемыми атрибутами русского чаепития.

– Ну, что молвишь, девица? – спросила, закончив свой рассказ, колдунья.

– Ситуация скверная, Елизавета Георгиевна. Я бы сказала, патовая. – проговорила Марья, – удовлетворение жажды смерти руками богатыря – позор для Елизара.

– А может, тебе к родственникам съездить, в Муром или в Великий Новгород, а еще лучше в Кемскую волость? У тебя в Кеми кто-нибудь есть?

– Нет у меня там никого. И вообще, поймите, отъезд – лишь временное решение. Ситуацию надо исправлять кардинально.

– И как?

– В первую очередь, похитить иглу. Это уже гарантированная ничья и выигрыш времени. Ну а дальше – курс психотерапии для Кощея или прием антидепрессантов. У вас что-нибудь найдется?

– Дурь-трава, – усмехнулась Баба-Яга, – настроение поднимает, только вот мозги отключаются. А если Кощей дурить начнет, один Бог ведает, что будет. Короче, подумать надо.

– А у вас есть мысли, как иглу украсть?

– Дело это непростое. Остров далеко, до него добраться – уже задача. Ну и потом нужно альпинистское снаряжение – дуб там, что твоя секвойя. Дальше – металлорежущий инструмент, чтобы цепь снять. Ну и далее по тексту...

– Координаты острова знаете?

– Дай бумажку, напишу.

Баба-Яга черкнула пару строк и через стол толкнула листок к Марье. Та глянула на цифры и невольно ахнула, прикрыв рот ладонью.

– Вот то-то и оно. Я ж говорю, далековато. Чтобы на ступе долететь, нужно четыре промежуточных аэродрома.

– Да, – словно сама себе проговорила Искусница, – линейная геометрия тут не работает. А, поняла! У него есть портал! Он должен быть где-то в замке. Ладно, это все упрощает, я его найду.

– Ты че, Марья, всерьез к Кощею собираешься?

– Ну конечно, контролировать ситуацию лучше всего там,

где она будет развиваться.

– И как ты это собираешься сделать?

– Елизавета Георгиевна, ну ей-богу?! Он же сам меня и украдет! Ну а остальное – дело техники.

– Мой тебе респект, Искусница. А можно мне еще пряничек? Уж больно они у тебя хороши. Чай, тульские?

– Нет, я пряникоделку собрала. Сама печет, раз в неделю. Вы угощайтесь, я вам еще с собой в корзинку положу.

Через некоторое время дамы вышли из Марьиной избы.

– Ну что ж, девица, удачи тебе. Если что, там зеркало волшебное есть, в любой момент можешь со мной связаться. А в замке тебе Гюнтер подсобит. Прощевай пока. Полетела я.

– Удачного полета!

Баба-Яга с корзинкой в одной руке и метлой в другой забралась в ступу, взмыла в небо и вскоре исчезла из виду.

////////////////////////////////////

А в это время богатырь Елизар с завязанными глазами рубил мечом затейливо расставленные по двору бревна. Одни – под самое основание, другие – посередине, третьи – у верхушки. Двигался он ловко и уверенно, ни разу не пропустив цели. Тишину нарушал только свист лезвия и хруст разрубленных бревен. Дорубив последние, Елизар снял повязку с глаз и спросил сидевшего в позе лотоса Григория:

– Может хватит на сегодня, учитель?

– Повтори еще раз, а потом поколи все на поленья. Целый

месяц будет, чем печку топить.

– Ну и зачем все это? То батюшка боями с тенью мучил, теперь вот ты...

– Это тоже вроде боя с тенью, только с разным количеством противников. Сейчас ты разучиваешь бой против двенадцати.

– И они будут стоять аккуратно, где бревна? – с недоверием спросил богатырь.

– Конечно, – ответил наставник, – у японцев проверено веками. И в нападении, и в обороне свои тонкости. Их надо знать и довести до автоматизма. И скорость у тебя низковата. Быстроты не хватает. Отнеси меч к кузнецу – пусть сделает на лезвии два дола, чтобы уменьшить вес. Тогда дело скорее пойдет.

– Хорошо, вечером схожу.

– Ты вот мне напомни, Елизар, почему это на Руси принято деление на ратников и дружинников? Опять же, чем витязь отличается от богатыря? Сможешь или подзабыл?

– Ну это же очень просто, – ответил Елизар, – Ратник – это рядовой воин. И, когда, к примеру война, и все – стар и млад, дружинники, мужики, мастеровые и даже торговый люд – супротив басурмана выходят Родину защищать, тогда все – ратники. Дружинник же – это воин из княжеской дружины, что-то вроде личной гвардии князя. А вот витязь – это продвинутый дружинник, что называется, штучный экземпляр. Витязь – это кандидат на звание богатыря. Ну а с

богатырем – дело ясное...

– А как же так получилось, что ты не был ни ратником, ни дружинником, а сразу – в богатыри? – как на экзамене допытывался Григорий.

– Так, если ты сын богатыря, то и путь тебе – прямо в богатыри. Отцы нас с младых ногтей ратному делу учат. Я уже в три года и мечом, и копьем умел управляться. А из лука со ста метров мог в яблоко попасть.

– А если вот не пошло, нет богатырского таланта?

– Ну тогда путь в богатыри заказан, будь ты хоть княжий сын. Такое бывает, но очень редко. На Руси у богатырей заведено: все всегда по-честному. Не тянешь, не возьмут.

– Заходите! – вдруг крикнул Елизар.

Одна из воротин отворилась, и во двор вошла Марья-Искусница.

– Добрый вечер, не помешаю?

– Машенька! – бросился ей навстречу богатырь.

– Добрый вечер, Марья – улыбнулся Григорий.

– И вам тоже. Я, собственно, зашла по делу.

Из затейливо расшитой холщовой сумки она извлекла скатерть, золотую тарелку, золотое же яблоко, клубок и еще какие-то вещи.

– Это тебе, Елизарушка. Скатерть-самобранка, тарелка-зеркало для связи со мной, клубок-навигатор, чтобы дороге указывал, ну и еще кое-чего по мелочи.

– Здравствуй, Машенька, – раздался с крыльца голос ма-

тери Елизара, – и чего ты на ночь глядя к нам отправилась? Скоро темнеть начнет.

– Здравствуйте, Матрена Кузьминична. У меня есть смутное предчувствие, что скоро Елизар отправится богатырский подвиг совершать. Так что, собрала ему все, что в походе пригодится.

– Ой, Машенька, – схватилась ладонями за обе щеки мать богатыря, – когда у тебя смутные предчувствия случаются, разоряются страховые конторы.

– Ну, что тут поделаешь? – задумчиво ответила Искусница, – не от меня сие зависит...

– А какого рода подвиг? – поинтересовался Григорий.

– Не могу сказать, вся загадка исчезнет.

– Да и не по-богатырски как-то это, – вторя ей, заметил богатырь.

– Елизар, – спросила Марья, – твой меч далеко?

– Да нет, вот под рукой лежит, я только урок закончил.

– Дай-ка его мне.

– Зачем? – удивился Елизар, но все же протянул меч невесте.

Та вытащила его из ножен и провела по режущим кромкам волшебной палочкой, при этом что-то шепча. Меч загорелся пурпурно-фиолетовым светом, а по кромкам пробежали голубые молнии, разбрасывая вокруг белые искры. Меч словно выгнулся на секунду, а затем вытянулся и с легким звоном принял обычную форму.

– Ну вот, теперь попробуй, разруби что-нибудь, – Марья протянула меч Елизару. Тот взял меч, огляделся вокруг и рубанул ближайшее бревно. Клинок просвистел в воздухе и мгновенно рассек его пополам.

– На до же, – удивленно сказал Елизар, – я вообще ничего не ощутил, словно воздух рубил.

– Это хорошо, – ответила Марья. – Ну, пойду я, у меня еще дел много.

– А как же чайку, Машенька? – спросила мать Елизара.

– Да я недавно попила, спасибо, – на губах Искусницы мелькнула какая-то странная улыбка. С этими словами она открыла воротину и исчезла в сумерках.

– Елизар, – с укоризной сказала мать, – ты тот еще кавалер! Хоть бы до дому невесту проводил...

– Да я что? Да я бегом! – только и промолвил богатырь и тоже выскочил за ворота.

////////////////////

Пока богатырь догонял Марью, в царстве Мрака и Зла Гюнтер летел бесконечными коридорами в обеденный зал. Приземлившись на край стала, он крылом смахнул со лба пот и уж было собрался что-то сказать, как вдруг откуда-то сверху из темноты донесся до боли знакомый казенный голос:

– После ужина не обслуживаем!

– Мне бы выпить, – жалобно промолвил ворон, – не бесплатно.

Сунув клюв куда-то под крыло, он вытащил маленькую золотую монетку.

– Это другое дело, – тон Кухонного цеха заметно потеплел.

На столе из ниоткуда появилась рюмка шнапса. Гюнтер понюхал его и с просящей интонацией сказал:

– Мне бы водочки. Русской.

И поведал ворон Кухонному цеху о своем горе-злосчастье. Когда он закончил изливать душу, повисла томительная пауза.

– Да че мы, звери, што ли? Да мы мигом...

И тут же на столе вместо рюмки шнапса появилась непочатая бутылка водки, покрытая инеем. Затем материализовались тарелки с различной снедью: селедочкой, солеными грибочками, тонко наструганным салом, корочке, всем тем, с чем на Руси хлебное вино употребляли.

– Нет, нет! – испугался Гюнтер. – У меня с собой больше денег нет!

– Угощайся, это тебе за счет цеха. Когда еще нормально посидишь, если он тебя на атомы распылит.

– Премного благодарен, – ошарашено, почти шепотом ответил ворон. На какое-то мгновение он замер, а затем ловко подхватил рюмку с водкой клювом и одним махом опрокинул ее содержимое внутрь. После этого вытер клюв крылом и схватил кусок соленого огурца, а затем начал клевать закуски с других тарелок. Только сейчас Гюнтер понял, насколько

он голоден.

– Ну что, полегчало? – спросил Кухонный цех.

– Пока не понял, – в голосе Гюнтера звучала неопределенность.

– Между первой и второй перерывчик небольшой.

Бутылка взлетела в воздух и повторно наполнила рюмку.

Ворон повторил предыдущую манипуляцию.

– Ну, а сейчас как? – вновь поинтересовался Кухонный цех.

– Лучше.

Если бы у Гюнтера не было перьев, то можно было бы видеть, как его кожа покрывается румянцем.

– А горчица есть? Сало – его лучше с горчицей.

– Обижаете, – с деланным негодованием ответил цех. На столе тотчас появилась стеклянная баночка, один дух от которой говорил, что горчица злая. Ворон подхватил кусочек сала и, мокнув в банку, отправил его внутрь клюва.

– Ох! – только и смог выговорить он. – Ядреная!

– А то! Фуфла не держим!

Гюнтер начал заедать горчицу закусками. На какое-то время в зале повисла тишина. Затем цех изрек:

– Надо тебе на Русь бежать. Она большая, где-нибудь затеряешься. Ворону себе заведешь, детишки пойдут...

Последнюю фразу цех произнес с мечтательной интонацией.

– Не могу я. Тоскливо ему одному будет. Поговорить не

с кем. Зло на ком ему выместить или, скажем, в шахматы поиграть?

– Да уж, в каждом замкушке свои погребушки.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, все мы заложники обстоятельств. Вот, к примеру, шеф наш Рауль. Как-то Кощей решил пообедать в лучшем парижском ресторане. Заказал себе фуа-гра с сотерном, ша-тобриан, а к нему на рататуй гарнир. И так ему все понравилось, что распылил он Рауля на атомы и отправил прямо-ком к нам в цех. Парень о мишленовских звездах мечтал, а теперь вот вынужден готовить всякую гадость.

– Но он же и здесь делает замечательные блюда.

– Да, но это не по регламенту. А по регламенту – ты сам знаешь, меню каждый день читаешь.

– Ну да, – ворон замолчал и захрустел огурцом.

– Ты, Гюнтер, это, прилетай, когда захочешь. Я всегда на-лью. Поболтаем.

– Спасибо. А можно еще рюмочку? – заплетающимся язы-ком спросил Гюнтер.

– Пей сколько хочешь.

Выпив в третий раз, ворон начал шататься с лапы на лапу.

– Все. Для меня три рюмки, как для человека три стакана.

Полечу спать.

– Куда тебе такому лететь? Давай я тебе тут постелю.

Толстая шелковая салфетка появилась на столе.

– Мы, птицы, спим стоя.

– А ты попробуй лечь. Тебе понравится.

Гюнтер окончательно завалился на бок, аккуратно на салфетку, и тотчас захрапел. В воздухе возникла еще одна салфетка, которой Кухонный цех заботливо накрыл ворона.

////////////////////////////////////

А в это время на Руси наступила ночь – прекрасная, как на полотне Куинджи. Елизар еще не вернулся, и все его домашние готовились отойти ко сну. В это время в темноте раздались какие-то странные неритмичные хлопки, и над забором появился белый шар, с торчащими из него короткими крыльями. Затем в лунном свете стало видно, что шар этот – Аглая, ворона матери Елизара, болтушка и сплетница. Сделав вираж над двором, она опустилась на ветку березы. Ветка хрустнула и отломилась. Ворона рухнула на землю и села на хвост, растопырив лапы в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.